

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84 (2Рос=Рус)-44
И26

Автор обложки Ольга Медведкова

Игнатова, Анна

И26 Ураган в подарок : [для сред. шк. возраста: 6+] / Анна Игнатова; [авт. обл. Ольга Медведкова]. — М. : КомпасГид, 2019. — 144 с. ISBN 978-5-00083-536-4

О каком подарке мечтает уважающий себя девятиклассник? Смартфон, скейтборд, компьютер, кеды? Нет, Боря Ракитин мыслит шире: лучший подарок на день рождения — совместный поход в лес со всеми друзьями! В компании найдется место даже для Миши Лакина, чемпиона мира по попаданию в неприятности.

В Мише ли дело, в карме или случайности, но праздник идёт совсем не так, как задумывал именинник. Шашлык и торт, лесной квест и посиделки у костра, даже церемонию вручения подарков — все планы нарушает внезапный ураган. Но тут-то и начинается самое интересное: стихия раскрывает секреты друзей куда лучше игр в «Бутылочку» и «Я никогда не...».

Анна Игнатова (родилась в 1973 году) — автор нескольких стихотворных сборников, сказочных и познавательных повестей. А в «Урагане в подарок» отразилось ее увлечение спортивным ориентированием и обошлось (кажется) без волшебства. Книга, выросшая из классических школьных повестей Анатолия Алексина и Юрия Сотника, представляет галерею психологических портретов: в каждом классе есть своя принцесса Гольдина, свой ехидный Рябинин, свой гиперответственный Арсеньев. Но не каждому доведётся увидеть их в экстремальных условиях, где проявляются прежде скрытые черты характера.

Герои серии «Подросток N» близки читателям от 13 лет. Персонажи этих книг когда с интересом, когда с радостью, а когда и с ужасом осознают: мир намного сложнее, чем казалось в детстве. А в сложности этой — новые возможности и открытия.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84 (2Рос=Рус)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Игнатова А., текст, 2019
ISBN 978-5-00083-536-4 © ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Глава первая

20 июня и швабра с глобусом

Борису Ракитину — ученику 9 «Б», круглому отличнику, спортсмену-ориентировщику, гитаристу, чернобровому красавцу, любимцу класса и учителей — ужасно не повезло в жизни.

А что, нет? Он родился 20 июня.

Ни разу за девять лет учебы в своем классе не принес он в школу мешка конфет для одноклассников, не выслушал аплодисменты в свою честь, не пригласил друзей домой на день рождения. Ни разу в его честь не спели ни одной переделки, не сделали ни одной стенгазеты (а сам он весь учебный год придумывал для именинников песни и смешные подписи к фотографиям)! Друзья разъезжались летом кто куда и только присылали поздравительные эсэмэски со смайликами, открытки с няшными котиками во «Вконтакте» и свои фотки на фоне пальм или дачных парников. На фотках они улыбались, подпрыгивали, показывали «Во!» большими пальцами, а девочки складывали губы трубочкой. И это вместо настоящих дружеских поцелуев! Обидно до ужаса.

В конце мая, за три недели до дня рождения, Боря Ракитин поставил вопрос ребром:

— Кто в конце июня будет в городе?

Вопрос ребром был поставлен в кабинете географии после уроков. Домой никто не спешил. Дома надо было готовиться к экзаменам. Готовиться к экзаменам уже надоело.

— Ах, конец июня, — вздохнула Иришка и капризно потребовала: — Хочу конец июня! Чтобы экзамены уже закончились!

— Надеюсь, меня здесь не будет в конце июня, — развалившись на парте, протянул Роман Рябинин, неофициально — Рябина. — Надеюсь, за прекрасные результаты на экзаменах родители увезут меня куда-нибудь в Таиланд.

А ведь Рома Рябинин был лучшим другом, между прочим! И все равно не понимал, куда клонит Ракитин.

— Боренька, я не могу сейчас думать о конце июня, — сказала золотистая Гольдина. Она вся светилась на солнце: светлые волосы, блузочка с блестками, сережки до плеч, и даже лак на ногтях был с золотинками. Звали ее Даша, но она приучила всех называть ее по «золотой» фамилии. Одноклассники фамилию Гольдиной уже считали именем и делали ударение не на «о», а на «и» — ГольДИна. Жутко красиво.

— Что делать в городе в конце июня? — удивился Макс Ложкин. Он всегда отвечал вопросом на вопрос. — Я лучше на дачу... Если всё сдам, тьфу-тьфу-тьфу.

И Макс постучал по деревянной парте. И все постукали. А Боря Ракитин, единственный круглый отличник, постучал себя по лбу.

— Да день рождения у меня, дорогие одноклассники! Что ж вы такие тугодумы! Одни экзамены в голове... Пригласить вас хотел в кои-то веки.

— О, прикольно! — восхитился Рома. — У тебя же день рождения!

— Точно, елки! — сказал Володя Рогов. — Мы же его не праздновали никогда.

— Боря, немножко рано про день рождения, — как бы извиняясь и как бы упрекая одновременно, сказал Артем Арсеньев, зануда и перестраховщик. — ОГЭ, знаешь ли... А потом всё что хочешь...

— Боренька, поздравляю! — мурлыкнула Гольдина и блеснула вдобавок к сережкам своей обворожительной улыбкой.

— Рано еще, дурында, — буркнул сосед Гольдиной Виктор Клочков. Он на чары сияющей соседки не поддавался, наоборот, отворачивался, прикрывал глаза и мечтал пересесть к тусклой Смирновой.

Тут со своего места за последней партой встал Миша Лакин, высокий, худой, рыжий и в очках. Классический недотепа. Он встал очень аккуратно и уронил только свой собственный стул, а стул уже сам упал на кулер. Кулер, конечно, не упал, его так просто не уронишь, поэтому с кулера свалились на пол только одноразовые стаканчики.

Класс замолчал и напрягся.

Миша поднял стул, поставил его на стаканчики и сказал:

— Извините.

Класс привычно кивнул.

— Я могу поехать, Боря, — обрадовал всех Миша. — Я буду в городе весь июнь и половину июля.

— Спасибо, что предупредил, — шепнул про себя Рома и, повернувшись к Боре, сказал еще тише: — Ты понял? Валить надо из города...

Гольдина закатила глаза. Иришка вскочила поднимать стаканчики и получила от Миши по голове, потому что Миша тоже ринулся за стаканчиками.

— Прости, я случайно, — извинился Миша и покраснел. Краснеть он умел лучше всех в классе.

Иришка, держась за голову, поскорее села на свое место.

— Боря, я обязательно приду на твой день рождения, ты не переживай, — продолжал Миша. — Ты дома будешь праздновать?

Боря покачал головой.

— Ну, я еще не решил окончательно, но была такая мысль — в лесу отметить, — признался он.

Тут класс расслабился и оживился.

— О, в лесу — это круто!

— У костра посидим!

— Песенки попоем!

— Боренька, а гитару возьмешь?

— Ну, лес, в принципе, неплохо...

— Я за! Надо отметить, ага! 16 лет будет, сила!

— Почему тебе это раньше в голову не приходило?

— Вау! Боря — гений! Летом в лес надо! А я в октябре родился, эх...

Боря приосанился. Идея классу понравилась, это было приятно.

— А меня родители могут не отпустить, если взрослых не будет, — сказала Маша Голубева, нежнейшее создание с огромными глазами и тонким голоском.

— Маш, ну ты чего, у тебя почти разряд по ориентированию! — взмахнул руками Миша и уронил с полки рулон скрученных карт. Карты упали на соседей, сидящих впереди.

— Извините, ой, — сказал Миша.

— Меня тоже могут не отпустить, — кладя карты на место, сказал Артем Арсеньев. — Мама всегда спрашивает, сколько взрослых будет, когда мы на соревнования едем.

И тут Боря открыл свой главный козырь.

— А я пригласил Олега Борисовича, и он готов поехать с нами.

— Йес!! Супер!

— С Борисычем отпустят! Без проблем!

— Я еду, я!

— Я тоже еду!

— Боренька, я поеду, если ты возьмешь гитару, — мурлыкнула Гольдина.

— На два дня? — спросил деловой Клочков. — Надо снаряжение расписать и раскладку.

— Как всегда, — солидно кивнул Ракитин.

— Да чего на два! Можно и на четыре! — крикнул Рома.

— А как же Таиланд? — спросил довольный Боря.

— Подождет Таиланд, — ответил Рома.

— Но сначала экзамены, — добавил минора зануда Артем.

— Народ, а жить стало веселей! — ободряюще воскликнул Миша и наклонился поднять упавшую ручку. По пути он нечаянно задел швабру. Швабра немедленно повалилась и подтолкнула глобус концом палки, будто кием. Глобус, как бильярдный шар, отлетел в окно. Оно с треском захлопнулось, по стеклу пошла трещина.

Все обернулись назад, к Мише.

— Миша, ты точно сможешь поехать? — спросил Макс Ложкин. — Тебя еще ни разу в лес с нами не отпускали.

— Сто пудов! — успокоил одноклассников Миша и поправил очки. — Родичей я уломаю.

— Отлично повеселимся, — мрачно сказал Рябина.

Глава вторая

Полный ахтунг на крыльях весны

Ракитин и Рябинин шли домой. Главное решили — день рождения состоится, но хотелось обсудить детали. Боря ликовал. Рома вздыхал и хмурился.

— Можно шашлыков с собой взять. Или тогда лучше мясо на решетке пожарить, а, Рябина? — прикидывал Боря.

— Можно...

— Соков накупим, колы, тортик такой огромный-преогромный, — разводил руками Боря.

— Ага... — вяло поддакивал Рома.

— Мама салатиков наготовит. Возьмем салатницы красивые... Прикинь, в лесу — и хрустальные салатницы! Круто? Девчонкам понравится!

— Ага, круто...

— Девчонкам пироженок набрать надо, шоколада... Кофе надо купить вкусного в «Кофейной сонате», с ирландским кремом, я вам утром такой кофе сварю! Сгущенки надо взять и турку...

— Эй, охолони, не дотащим.

— Расслабься! Борисыч на машине будет, он обещал отвезти. Можно ни в чем себе не отказывать. Слушай! Давай мороженого возьмем в холодильнике? Я кофе глясе сделаю, все ахнут!

— Сдурел, Борька? Холодильник с собой возьмешь? Тогда уж рефрижератор заказывай.

— Да в сумке-холодильнике, балда!

— А... Ну, можно...

— Так, что еще?.. Давай, помогай. Чего бы еще такого взять в лес?

— Телевизор...

— Ну Рома, ну чего ты? Первый раз же день рождения отмечаю с вами! А ты кислый, как два лимона... Ты чего, не рад?

Рома задумчиво глянул в небо. На синем фоне плыли чудные облачка, как с детской картинки. Тяжело вздохнув, Рома перевел взгляд ниже. Деревья трепетали свежей-свежей зеленью. Пахло черемухой. Зацвела вишня у южной стены девятиэтажки. Рома тяжело вздохнул.

— Борька, того, слушай... а Лакина обязательно было звать? — покосился он на друга.

— Ну... да, в общем-то... Я его специально и не звал... А как его не звать-то? Я же всех приглашаю, весь класс, и Борисыча тоже, и вообще... Что я, одного Мишку не позову? Неудобно... А чего такого?

Рома пожал плечами.

— Да ничего. Лес — это ты здорово придумал. В лесу он безопаснее, конечно... Но салатницы предлагаю взять пластиковые, а не хрустальные. А то тетя Лена без салатниц останется.

— Да ладно тебе, не гони. Мишка — нормальный парень. Просто неуклюжий, так это бывает в нашем возрасте, мама говорит. Я тоже знаешь сколько посуды дома перебил?

— Сколько? — в упор посмотрел на друга Рома.

Боря задумался, а потом щедро махнул рукой:

— Да тарелок двадцать кокнул, серьезно.

— За всю жизнь? — уточнил Рябинин. — Думаю, для Лакина это средняя суточная норма.

— А еще я вазу стукнул, она треснула и теперь воду пропускает. А мать не выкидывает, жалко... Потом еще у зеркала кусок отбил...

— Чем?

— Велосипед уронил, когда на балкон затаскивал.

— А Лакин, если бы велосипед, не дай бог, на балкон затаскивал, всю мебель повалил бы, все шкафы, столы и стулья на дрова разобрал бы, велосипед до балкона только по частям донес бы, кота по пути убил бы и еще балкону нанес бы непоправимый урон, я даже придумать не могу какой.

— Да ладно тебе... Фантазия у тебя хорошая.

— Фантазия, значит, — спокойно повторил Рома. — Ага. Давай-ка сядем.

Они уже вошли во двор и стояли у второй парадной, где жил Боря. Рома жил в шестой. Рядом с парадной росла старая черемуха, под черемухой стояла зеленая скамейка. Друзья сели. Тут же с козырька слетели два голубя, еще два рванули с детской площадки напротив, с веток спикировал еще один. Голуби никогда не упускали из поля зрения эту зеленую скамейку: вдруг бабушки придут с батоном...

Ромка показал голубям фигу.

— Ты пойми, если еще не понял: Мишка Лакин — это классический человек-катастрофа. Он испортит любой праздник. Он сядет на твой огромный-преогромный торт и скажет: «Ой, извините, я нечаянно». Он нечаянно сожжет в костре единственную гитару, нечаянно порвет тент за минуту до грозы, споткнется об одну палатку и рухнет на вторую, причем сломает обе, утопит в озере всю посуду, даже не тонущую по определению, — и всё

не со зла, всё из лучших побуждений! Погоди, не перебивай. Думаешь, я фантазирую? Думаешь, мне просто не нравится этот длинный рыжий очкастый умник? Допустим, не нравится, не спорю. Но я стараюсь быть объективным.

— Что-то незаметно, — сказал Ракитин.

— Стараюсь, — четко проговорил Рябинин. — Я же не говорю, что он урод и придурок. Это уже мои субъективные оценки. Но есть же факты!

— Какие факты?

— А вот ты послушай меня спокойно, без сердца, — ответил Рябинин.

— Ну-ну, давай, психуй, — кивнул Борька.

— Кто опаздывает в школу по самым дурацким причинам? — вскричал Ромка. — Это же уму не растяжимо!

— Непостижимо, — поправил Борька.

— Я ни разу за всю жизнь не видел ни одной аварии, а он их видит постоянно, причем в него летят диски, осколки фар и непристегнутые пассажиры, с какой бы стороны он ни стоял! Он ходячий магнит для несчастий! Ему упал кирпич под ноги, ты помнишь?

— Ну не на голову же, — равнодушно отреагировал Ракитин.

— Кирпич вообще не должен падать, это просто выражение такое образное! А на Лакина падает даже этот образный кирпич! Он теряет деньги в любом месте и в любом количестве. Случая не было, чтобы он донес до класса деньги на учебники! Его мама идет с деньгами до крыльца, отдает ему, он их несет на второй этаж Василисе и теряет! Бесследно.

— Не надо делать его начфином похода, вот и все, — Ракитин притянул к лицу веточку черемухи и шумно вдохнул нежный аромат.

— Если рядом с ним есть хрупкая вещь, он ее раскокает! А если он роняет небьющиеся вещи, то обязательно на бьющиеся.

— Тебе-то что? — Боря зевнул.

— Мне? Да он штангу на физре мне на ногу уронил! Гольдина еще хохотала, помнишь?

— Так не разбил же ничего... Ну, прости, прости. Да, штанга — это очень неприятно. Мы не будем брать в лес штангу, обещаю. Кстати, тогда эта уроненная штанга, кажется, спасла тебя от зачета по химии. Ну, продолжай.

— А помнишь, на поезд всем классом опоздали? Из-за Лакина! К нему тогда цыгане привязались, чуть в табор не увели. А в полицию его забрали, помнишь? Василиса чуть с катушек не слетела, все бегала доказывала, что это не нунчаки у него боевые, а так, поделка с урока труда. А собака бешеная кого укусила в Саратове? Наверное, одна на весь город была, так выследила именно Лакина и вцепилась в него, как в шницель! А капуста тушеная?..

— Что капуста? — удивившись такому примеру, вышел из дремоты Боря.

— Ну, прошлым летом! Единственное блюдо в той кафешке в Уфе, которое нельзя было брать, оказывается. И никто не взял! Только Мишка. Траванулся по полной программе, со скорой и капельницами. Сутки все из-за него на вокзале сидели, билеты меняли, забыл? Ехали потом кто где, даже на третьей полке... Человек-авария, полный ахтунг, я говорю!

Боря лениво шуганул особо нахального голубя и посмотрел на Ромку безмятежным взглядом человека, верящего, что всё к лучшему.

— Ну а в лесу-то что он нам сделает? Дерево уронит?

— А я что, знаю? Может, и дерево! И непременно на машину Борисыча! На змею наступит или притащит ее нечаянно в кармане в палатку, не заметит как. Медведя встретит и разозлит. Подорвется на mine, которая его уже семьдесят лет дожидается со времен войны... Приведет в лагерь пьяных местных. Насобирает поганок и нам в супчик подсунет. В болото провалится.

— Ну хорош, Ромыч, — утомился Ракитин. — В Лескове нет болот. Не буду я Мишку прогонять. Нормальный парень. Да не суетись ты. Может, его мама не отпустит.

Рябинин покачал головой.

— Ну, гляди, — угрюмо поглядел он в сияющую небесную даль. — Твоя днюха.

Миша Лакин прилетел домой на крыльях весны и потрясающей новости.

— Mamочка! — закричал он с порога. — Я еду в лес!

— А экзамены? — немедленно ужаснулась из кухни мама.

— Ты ОГЭ в лесу будешь сдавать? — вышла из комнаты бабушка.

Миша скинул кроссовки так энергично, что один кроссовок улетел в бабушку. Бабушка отмахнулась от него отработанным движением и насупилась.

— Мишенька, успокойся, пожалуйста, и объясни толком. Не бросай сумку, аккуратно поставь. Дай я сама куртку повешу, а то вешалка рухнет.

— Не рухнет, — Миша тоже насупился. — Я в лес через три недели еду. Меня Боря Ракитин на день рождения пригласил.

«И она тоже едет, и она!» — пело в Мишкином сердце.

Мама, вытирая руки кухонным полотенцем, подошла к сыну и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку.

— Здравствуй, Мишка мой. День рождения — это хорошо. А почему же в лес? Насчет леса мы еще поговорим, да? Вот экзамены сдашь...

— Конечно, сдам, мамочка.

На этом уламывание «родичей» пока закончилось.

Глава третья

Бочки с нашатырем и яблоки на березе

Экзамены. ОГЭ.

Гольдина на каждый экзамен приходит такая блестящая, что глазам больно и хочется накинуть на нее платок.

Иришка моргает так беспомощно и умильно, что Володя Рогов только вздыхает и расправляет плечи.

— Я ведь правильно ответила? «Вообще» — это вводное слово? — моргает Иришка.

— Вообще... А какой контекст? — спрашивает Рогов, борясь с желанием погладить Иришку по голове.

— Ой, а контекст важен? — еще сильнее моргает Иришка. Сейчас появятся слезы.

— Ну что ты, что ты, плюнь на контекст, ну его к черту, не надо контекста! — ужасается Рогов.

— Значит, вводное? — всхлипывает Иришка.

— Вводное, вводное! — кивает Володя так энергично, что у «вообще» не остается никаких других вариантов при любом контексте.

Экзамены...

Ракитин, конечно, сдает всё на пять. Зачем он вообще ходит на эти экзамены? («Вообще» — в данном контексте не вводное!) Чистая формальность. Только нервирует остальных. Смотришь, как Ракитин, не останавливаясь

ни на секунду, строчит свои ответы, и понимаешь, что он умница, а ты тупица, ничего не знаешь и ничего не сдашь. Даже Рябинин идет на экзамен отдельно от своего друга, чтобы не выяснять по дороге, что на экзамен ему лучше вовсе не ходить по причине полной неподготовленности. Ракитин запросто говорил о раннем периоде творчества Фета и о тригонометрических функциях, о галогенах и суффиксах причастий и знал год покорения Рязани Батыем, даже если под рукой не было интернета... Вообще (а тут вводное!!), перед экзаменами Ракитин был абсолютно невыносим, хоть и лучший друг. «Платон мне друг, но истина дороже! — процитировал бы Борька. — Знаешь, кто сказал? А, Ромыч?» Так и хочется по шее его треснуть, умника!

Экзамены открывают новые резервы в организме. Казалось бы, нельзя волноваться сильнее, сердце и так застряло где-то в легких, дышать невозможно. Но вот объявляют результаты, и понимаешь, что ты еще и не волновался по-настоящему. Смирнова не нашла в списке своей фамилии (просто не увидела, курица слепая!), и ее тут же стошнило от переживаний. Ключков еще в медпункт ее поволок, хотя у нее пятерка была, между прочим. А Иришка нашла свою тройку по русскому и разрыдалась от счастья. А Гольдина разрыдалась от горя, что четверка... На всех экзаменах просто обязана дежурить бригада врачей, и весь школьный двор должен быть заставлен скорыми! И нашатырь доставлять бочками, бочками! «Грузите апельсины бочками!» Кто это сказал??

Но у экзаменов есть одна положительная сторона: рано или поздно они всегда заканчиваются. И тогда сваливается такое счастье, такое! И сразу всплывают в голове даты жизни Лермонтова и Шекспира, таблица

Менделеева так и стоит перед глазами, вся, до последнего элемента, и законы физики становятся ясными, как солнечное июньское небо. И ты просто так, глядя на облака, от хорошего настроения, цитируешь Борьке Ракитину Маяковского: «Отбросив белье до последнего листика, сады похабно развалились в июне», а Ракитин и не знает этой цитаты, йес! Так и хочется его обнять, балбеса!..

Сдали! Всё, господа! Каникулы...

— Надо соревнованьице какое-никакое организовать, веселее будет, — не переводя дыхание после экзаменов, втолковывал Борис другу. Они опять сидели на зеленой скамейке и отмахивались от голубей. На голову чуть не садятся, вообще обнаглели!

— Какое соревнованьице? — блаженно облокотился на черемуху Рябина и вытянул ноги. — Надо было этим сволочам булочки принести... — прищурился он на голубей.

Великое дело — сдать все экзамены! Он бы сейчас даже Лакину кусок булки отщипнул, не жалко!

— Ну, типа «Поиска клада», пусть ищут. Только надо дистанцию подготовить и задания на КП прикольные придумать... Типа, сколько яблок на березе? Правильный ответ подставить в формулу и получить координаты следующего КП.

— Каких яблок? Откуда яблоки на березе, Мичурин? — лениво поинтересовался Рябина.

— А мы их туда заранее повесим, — пояснил Боря. — Прикольно всё сделаем... Ты давай уже включайся, Ромыч! Неделя осталась! Мне Борисыч карты дал с соревнований в Лескове, мы новые КП другим цветом

нарисуем, и легенду надо распечатать на всех. Я уже запарился готовиться один!

— Так это, мы же экзамены сдавали... А ты что, уже готовишься?

— А то нет! То экзамены, а то день рождения! Пойдем ко мне, покажу, что я там напридумывал...

— Ну ты даешь, Ракита, — только и сказал Роман, отлипая от черемухи. — Слышь, и булочки захватим у тебя, птичек мира покормить...

Глава четвертая

Синяя миска, зеленая веревка

Маша Голубева лихорадочно искала номер Олега Борисовича.

— Да что он, в телефоне у тебя не записан, что ли? — удивлялась мама, глядя, как дочь вытряхивает из всех карманов сложенные вдвое и вчетверо бумажки, перелистывает тетрадки и перетряхивает учебники в поисках номера. — У вас же тренировки два раза в неделю и выезды...

— Мам, ну погоди... Да я и не звонила никогда. Он нам свои визитки когда-то дал, там сотовый был. А чего мне ему звонить, я же занятий не пропускаю...

— Я звонил, — появился рядом с мамой папа. — Визитка его у меня. И у меня в телефоне Олег Борисович есть.

— Да? — обрадовалась Маша, бросая поиски. — Ну и хорошо. Вот и позвоните ему. И спросите, куда, когда и с кем. И зачем. Если мне до сих пор не верите.

— Машенька, убери бумажки с пола, — миролюбиво сказала мама.

— Мы тебе, конечно, верим, — пропел папа. — Разве могут быть сомненья... Просто уточнить хотим, когда возвращаетесь... Алло! Олег Борисович, здравствуйте! Это Машин папа, Николай Александрович...

Да, спасибо. Спасибо, ага, да. Спасибо большое, да-да. А я только... Ага, спасибо. Нет-нет, я не волнуюсь, что вы! С вами — куда угодно! Ну да... Ну конечно... Вы-то с ними... Ага. Ну, вас-то они слушают. Ага. А то, знаете... Ага. Как с двумя ночевками? Как в пятницу? И в воскресенье обратно? Ого! Да, это, конечно... Да, лето, я понимаю... И места все знакомые, да... Да, сколько раз... Ну, если что, мы на связи, ага. Всегда звоните. Да, и я тоже. Спасибо большое. Всего доброго.

Папа отнял наконец мобильник от уха и строго посмотрел на дочь.

— С двумя ночевками? — переспросил он.

— Или даже с тремя, — ответила Маша и пошла на балкон за рюкзаком.

Катя Смирнова стояла на лоджии посреди туристского барахла и думала, брать веревку или не брать. С одной стороны, скал в Лескове не предвидится, совершенно незачем тащить туда двадцать метров капроновой «десятки». С другой стороны, веревка может понадобиться и без скал. Мало ли... Залезть куда-нибудь, достать кого-нибудь из ямы, переправу натянуть через речку. В конце концов, веревкой можно что-нибудь связать. И вообще, такая красивая веревка, так аккуратно сбухтована. Ее можно небрежно повесить на плечо, и, когда все будут в панике кричать: «Веревка! Срочно нужна веревка!» — Катя поведет плечиком, сбросит бухту прекрасной желто-зеленой «десятки» на руку и скажет: «Пожалуйста». И все, конечно, ахнут и уставятся на нее, не скрывая восхищения. То-то, не ожидали! А она вот такая! Ловкая, подготовленная, тренированная, не какая-нибудь гламурная блондинка, она может прийти на помощь в трудную минуту, на нее можно положиться, она не подведет,